

СЕРДЦЕ АВРААМИЯ

Авраамий был крестьянином земли Ростовской. Смолоду силен, с рогатиной ходил на медведя, подымал четверть овса, вел хозяйство горячо, успешно—жил зажиточно. Но не легко давалась жизнь, и мало радости в ней видел — по причине тяжести души. Казалось ему все не так. Изба лучше у соседа, урожай богаче, а работает меньше. Другим мельник мелет правильно, его обвешивает. У других жены статные, красивые, а его Мария и худа, бледна, и лицом не вышла. Он силен, а она слаба. «Все только норовит, как бы на мне выехать». И ему казалось, что жена ленива и мотовка, на его черных, волосатых руках зашибает свое счастье.

И ел он ее поедом. Никакой оплошности не прощал, пока от горькой жизни не слегка она совсем. И когда приблизилась смерть, то заплакала Мария и сказала мужу:

— Больше на меня не злобься. Ухожу от тебя. Если чем досаждала, то прости. А я тебе была верная жена и самого тебя любила и люблю и, если Бог не отринет, буду молить Его, чтобы облегчил твое тяжелое сердце.

С тем и померла.

Авраамий очень пожалел ее и тосковал, и хотя видел, что другие женщины красивее, но не женился вновь. Ему стало еще труднее. «Вот у других не умирают жены, а у меня умерла. Как мне теперь бобылем жить?»

Был он благочестив, молился и просил знамения. Но оно не являлось. Когда вконец опостылел дом, хозяйство, земледелие, то пошел к старцу-пустыннику, жившему в келейке, в лесах: старец ел одни ягоды, пил из ручья, имел длинную седую бороду.

Посмотрел на Авраамия, подумал и сказал:

- Сила твоя великая, плечи как у медведя, руки в волосе, а сердце косматое. Тяжкое у тебя сердце, на все завистливое и недовольное. Пока сердца не смелешь, счастлив не будешь.

— Что же мне делать, старче?

— Походи по миру, послужи Богу, коли даст тебе размолоть сердце, то найдешь себя.

Авраамий продал дом и землю, взял котомку, палку и пошел по миру.

Собирал на церкви, служил батраком, пошел, наконец, послушником в монастырь, заброшенный в лесах, у озера Чудского. Но, собирая на церковь, все гневался, как люди скупы. В батраках сердился, что на нем все счастье свое зарабатывают. Даже и в монастыре, где хлебы пек, служил в поварне и рубил дрова, — не мог успокоиться: не нравились ему монахи. Этот толст, другой только и думает, как бы посытнее поесть, а третий притворяется, что молится.

И удалился Авраамий из монастыря.

Скитался он довольно долго и молился Богу, чтобы размолот ему сердце, чтобы отошли гнев и зависть, вспоминал умершую жену и теперь думал, что тогда, когда с ней жил, — тогда-то вот и был счастлив, вот тогда и было хорошо.

И стал сесть Авраамий. А покоя ему не было.

— Господи, — взмолился он в лесу, однажды, на берегу озера в диком Галичском краю, — за что гонишь меня, бесприютного?

Пал на землю под кустом высоким, можжевельным, и зарыдал. Поднялся — видит, в десяти шагах от него зайчик — серенький, стоит на задних лапках и ушами прядает, как будто кланяется ему. И Авраамий пошел к зайчику, а зайчик легонько запрыгал по тропинке, все на Авраамия оглядывается и ушком знак подает: за мной, мол, иди. Так шли они ни много и ни мало, вдруг полянка и на ней часовенка. Зайчик оба уха накрест наклонил, сказал:

— Вот, Авраамий!

И сверкнул, в лесу исчез.

Авраамий прошел к часовенке, и жутко ему стало, дух захватило. Никого в ней не было. Зброшена, пустынна. Ласточка легко стрекнула из-под кровли. Сырость, тишина. Войдя, увидел Авраамий потемневшую икону Богородицы. Стал на колена, помолился. Точно бы полегчало.

«Что за странность, — думал, — что за зайчик и что за часовня, чья икона?»

Но понравилось ему тут. Вынул из котомки хлеб, попил водицы из соседнего ручья и не заметил, как наступил вечер. До жилья людского было далеко. И Авраамий решил здесь заночевать. Подложил котомку под голову, лег у входа и заснул. Сон его был мирен. Увидал покойную жену, в чертах лица ее что-то напомнило лицо на иконе. Так что Авраамий и не разобрал, то ли это Мария, которую он так теснил и упрекал при жизни, то ли иная. Но она ему сказала:

«Утром ты возьмешь икону, спустишься с ней к озеру, найдешь там лодку и переплывешь через озеро с иконой. Снесешь ее в монастырь, где жил послушником. Довольно ей находиться здесь».

Утро было туманное и теплое. Авраамий взял икону и двинулся, но не знал, где озеро, куда идти. Вдруг из-под кровли вылетела ласточка и все вилась над Авраамием. Тогда он понял, что надлежит следовать за ней. Действительно, в том месте была лодка. Авраамий сел на корму, взял весло и оттолкнулся. Икону же поставил впереди, ликом к себе. На крошечной дощечке на носу сидела ласточка.

Так плыли они по зеркальной глади. Легонький туман стелился над водой и мягко, будто кисеей, завешивал леса по берегам. Авраамий слабо греб, хотя был силен. И серебряная, нежно лепетавшая струя, как риза Богородицы, тянулась за кормою лодки.

Когда выплыли на середину, Авраамию представилось, что мир уже кончается: ушла земля, осталась только гладь воды, туман да тишина. Он испытал волнение и умиление; положил весло, склонился пред иконой.

— Не бойся, Авраамий, — он услышал голос, столь напомнивший покойную жену. — Я Богородица Умиление Сердец. По неким молитвам и по собственному твоему томлению, я сжалилась над тобой. Беру у тебя сердце.

Сладость, но и ужас охватили Авраамия. Он еще ниже опустил пред иконой. Ласточка щебетала. Авраамий же чувствовал, как медленно, огненно перетлевают его сердце, точно невидимая мельница размалывает его. И чем меньше оставалось прежнего, тем обильнее текли слезы.

Когда тайное кончилось, он поднялся. Икона все стояла, как и прежде. Но с величайшим изумлением увидел Авраамий, что теперь она сияла красками и чистыми и нежными. Лодка же плыла сама собой. Ласточка взвилась и подлетела к Авраамию.

- Здравствуй, блаженный Авраамие, новорожденный к любви и кротости, отныне дан тебе крест проповеди слова Божия и славы Богоматери среди неверующих и язычников. Неси икону в монастырь.

Авраамий перевез икону и отнес в тот монастырь, где был уже. И снова принят был послушником, затем пострижен и в монахи. Но теперь ничто не гневало его, не вызывало зависти и тоски. Смирненным и последним он себе казался и на все радовался, за все благодарил Бога. Ежедневно на молитве он просил прощенья за тяжелые преследования смиренной жены своей Марии.

Пробыв некоторое время в монастыре, он с благословения игумена удалился с Чудотворной иконой в глубь лесов и там основал монастырь Богородицы Умиления Сердец. А когда собралось довольно братии, ушел далее в леса и опять заложил монастырь имени Пресвятой Девы. Позже построил еще монастырь, все во славу Пречистой. И куда бы ни являлся он с иконою, таинственно обретенною вблизи озера, всюду шло дуновение милости и чистоты. Во всем диком крае, населенном тогда язычниками, стал Авраамий провозвестником и проповедником светлейшей истины Христовой.

Так по томлению, молитвам и по состраданию умер прежний Авраамий и явился новый. А на озере до наших дней осталась светло-серебристая струя, проведенная таинственною лодкой, где родилось новое сердце Авраамия.